

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-125-132

Павлова Е. А.*Московский государственный областной университет***ТЕМА СТРАННИЧЕСТВА В ПОЭМЕ Н.А. ОЦУПА «ВСТРЕЧА»**

Аннотация. В статье рассматривается место поэмы «Встреча» Н.А. Оцупа в контексте всего творчества поэта. На основе композиционных составляющих, образной системы и ведущих мотивов произведения выявляется концепция странничества поэта, характеризуется идейный аспект «Встречи». Художественные трансформации лирического героя истолкованы как отражение земного пути Н. Оцупа и его духовных исканий. Сделан вывод о том, что странничество для поэта – духовная категория, воплощённая в чувстве скорби, любви и веры, раскаяния перед близкими и родными, перед духом России, перед ликом Бога.

Ключевые слова: Оцуп, странничество, духовный путь, Встреча, Россия, художественные трансформации, мотив, раскаяние.

E. Pavlova*Moscow State Regional University***THEME OF WANDERING IN N. OTSUP POEM'S «MEETING»**

Abstract. The article discusses the place of the poem «Meeting» by N. Otsup in the context of his poetry. On the basis of the composite components, images and leading motives reveal the poet's concept of wandering and characterize the ideological aspect of the «Meeting». Artistic transformation of protagonist is interpreted as a reflection of the Earth's path of N. Otsup and his spiritual quest. It is concluded that wandering for the poet is a spiritual category, that is expressed in the sense of grief, love and faith, repentance before the kith and kin, before the spirit of Russia, before the face of God.

Keywords: Otsup, wandering, spiritual path, meeting, Russia, artistic transformation, motive, repentance.

Начало прошлого века было исполнено трагическими событиями, изменившими ход истории, судьбу Российского государства и его многомиллионного народа. Часть граждан оказалась под властью новой политической силы, другая – уничтожена, третья – оказалась за рубежом вдали от своих корней, привычного уклада

и духовных опор, лицом к лицу с холodem, бедностью и мраком эмигрантской жизни.

В такие периоды жизненно важным становится сосредоточение на своём внутреннем, духовном облике, переоценивание событий своего индивидуального пути, поиск обновления и творческих сил. Отсюда так сильна жажда Света, Смысла, новых возмож-

ностей и открытий у поэтов, писателей и философов Русского зарубежья. Об этом говорит И.А. Ильин в своей книге «Путь к очевидности»: «Человек призван овладевать своей душой и её слабостями, освобождать себя из состояния духовной слепоты и творчески слагать свою новую судьбу перед лицом Божиим. Трагические события истории, смуты и бедствия посылаются нам для того, чтобы мы одумались и сосредоточились на самом жизненно-существенном, чтобы мы вспомнили о нашей творческой свободе и отыскали в самих себе нашу собственную духовную глубину, с тем, чтобы из неё повести наше обновление, – свободно, мужественно и активно» [5, с. 5].

Стремление Оцупа-поэта внять «сердца непонятному стуку», проникнуться «любовью иною» приводит его к созданию поэмы «Встреча». Произведение увидело свет в 1928 году, однако задумано было, по свидетельству Л. Аллена, его ученика, ещё в Берлине. Преимуществом тем и идей поэмы – одно из главных её качеств в контексте всего творчества Н.А. Оцупа. «Встреча» развила и воплотила в себе мотивы и образы, намеченные ещё в книгах «Град» и «В дыму». «Слово-символ “дым” продолжает существовать как в конкретном, так и в фигуральном смысле», – утверждал Аллен [1, с. 16]. Сам лирический герой проходит сложный путь, устремлённый «через дым к Свету, то есть к Смыслу, то есть к Нему» [1, с. 16].

Поэма обладает чёткой структурой, разбита на отдельные главки, каждая из которых имеет своё название и воссоздаёт отдельный этап жизни лирического героя, отрезок его пути к Свету. Каждое воспоминание, каждый

штрих не случаен; он хранит в себе ту или иную сторону прожитого, связанное с этим чувствование, впечатление, а вместе с тем и определённый шаг в развитии души. Отсюда и динамичность образа странствующего лирического героя, он постоянно находится в движении, в духовном поиске. Об этом писал П.М. Бицилли в рецензии на поэму: «Для того, чтобы при помощи зримых, осязаемых и слышимых вещей передать душевное состояние, нужно обратить эти вещи в символы, т. е. показать их в отвлечении от тех ассоциаций, которыми они обросли в “эмпирической” действительности, обнаружить их сущность, вскрыть их природу монад, “представляющих”, каждая “со своей точкой зрения”, мир, а значит, и душу поэта» [3, с. 541-542].

Поэма явилась воплощением основной темы поэта, начатой в ранних сборниках, а именно – двойственность мира, имеющего два взаимопроникающих начала: земное и небесное, духовное. Материальный мир, в котором мы живём, зыбок, туманен, постоянно прорываем проблесками мира духовного. Но эти проблески обретают свой истинный смысл лишь в том мире, по ту сторону, где брезжит «любовь иная» [6, с. 76]. Однако душа лирического героя, «дух, отделённый от вселенной, / От всех неисчислимых лет» неизменно тянется к Свету, чаёт Его, но не видит, отчего тоскует, печалится [6, с. 78]. «...Печаль, как “осеннее солнце”, освещает мир видимый. Печаль в видимом мире – отражение вечной жизни, её утверждение, оправдание...» – писал Ю. Терапиано [10, с. 60-62]. Каждое мгновение обретает свою значимость, весомость; «этой жизни впечатленья» ниспосланы лирическому герою за-

тем, чтобы пробудить дух его от плена заблуждений: «Но каждый здесь летящий час / Не может не иметь значенья...» [6, с. 78].

Первая часть поэмы «Царское Село» вводит читателя в череду проблесков и миражей, явившихся лирическому герою через «туман» и «дым», прожитых лет в эту «ночь». Благодаря такому принципу написания и общей теме поэмы шесть её частей, таких разных по настроению, стилю, ритму, обретают смысловую целостность. Картины прожитой жизни, томительного духовного пути, пронсящиеся перед глазами лирического героя, начинаются с царскосельской зимней ночи, когда душа юного гимназиста впервые содрогается от холода мироздания. Аллен называет эти воспоминания «маленькими картинками обыкновенной жизни», где «вспыхивают только ничтожные детали» [1, с. 17]. Но так ли это? Ведь Царское Село – место «пробуждения» души лирического героя в рамках своего «я».

Следующей в сознании юного гимназиста встает картина ранней царскосельской весны. Строки о Поэте представляют собой описание памятника Пушкину, гению от Бога. Подчеркивая духовную значимость гения Пушкина для поэтов и писателей Русского зарубежья, И.Ю. Симачева привела слова И.С. Шмелёва: «Есть у народов книги священного откровения. В години поражений народы черпали силы у них. Сердце нам говорит, что есть у нас наше откровение – Пушкин» [8, с. 33]. Поэтому в поэме Н.А. Оцупа даже изваяние его живо; памятник, не касаемый лучами весеннего солнца, отдыхает в тени ветвей деревьев. Осознание лирического героя собственной близости к вели-

кому Гению рождает в его душе первое предчувствие. «Чуть зримая весна», «великий князь <...> в предшествии бульдога», дрожащий в чинопочитании городской, – всё осязаемое, видимое, прочувствованное вмиг становится «как страна теней, / Как сон, как мир потусторонний, / Невнятные ветви и лицей» [6, с. 79]. Здесь «навсегда пересекла / Иной стихии бесконечность» и лёгкую беспечность юности, тишину первого свиданья, пышность и чинность Царского Села – всё это заслонила собой торжественность, значительность духовного открытия [6, с. 80].

П.М. Бицилли отмечал, что Оцуп «весь свой, чрезвычайно извилистый, путь вычертил в высшей степени сокращённом масштабе: только “события”, никаких отрезков пустого пространства между ними, которые пришлось бы заполнять размышлениями и поучениями; сплошная ткань символов» [3, с. 541-542]. Символична и «панорама джигитовки», дух которой воссоздаётся благодаря чёткой ритмической организации стихов и аллитерации [6, с. 80]. Удалая казачья бравада, веселье сменяются дымом, пламенем, «гортанным грохотом батарей», непрерывающейся канонадой [6, с. 81]. В связи с этим строки о движении за императором становятся отсылкой к реальным историческим событиям, предваряют образ гражданской войны. Лирический герой задыхается под тяжестью происходящих масштабных событий, он задаётся вопросами о смысле происходящего. «Истребление и разруха, падение империй трагически намекают на “наслоение веков” и на “эпоху цезарей”, которую поэт закликает словом “исчезни!” – комментировал Л. Аллен [1, с. 17].

Являясь одним из ведущих, образ дыма пронизывает все части поэмы. Становясь некой метафизической субстанцией, дым и его эквиваленты, как и в сборнике «В дыму» (мрак, сумрак, ночь), способны рождать воспоминания, поглощать целые империи, преобразовать и искажать действительность. Так, «сумрак Рембрандта» в пустом кабинете рождает видение поэта Анненского, который в «слабеющих мечтах» «к нашей жизни» приближал Элладу. И. Анненский был для Н. Оцупа «тончайшим из русских лириков», олицетворением былой творческой атмосферы Царского Села; он сопоставим по совершенству своей поэзии с Пушкиным, но в то же время является воплощением духовного разлада России накануне исторической катастрофы, современником заката собственной эпохи по мироощущению [6, с. 504]. Н.А. Оцуп в своих дневниках писал: «Поэт стремится найти для жизни четвёртое измерение» [7, с. 161]. Поэтому ценно видение поэта, приближавшегося к гармонии, а лирическому герою остаются вопросы:

Где Анненский? И где просторы,
В которых он искал опоры? [7, с. 81]

Не случайна и последняя строка «Царского Села», выступающая как подтверждение духовной утомлённости, чаяния прозрения и Света: «Как страшно мы утомлены» [6, с. 81]. Эти слова стоят особняком, являются выражением чувствования всего поколения, мечущегося в поисках «опоры» в дыму времени.

Вторая часть поэмы открывается «ураганным грохотом батарей», сквозь дым которых видятся «башни Илиона» [6, с. 82]. Благодаря возникшему «наслоению веков» поэту удаётся при-

близить Элладу к современности [6, с. 81]. Образ лирического героя здесь из гимназиста с бледным профилем трансформируется в Энея, «ожесточённого в морях» [6, с. 50]. В облике персонажа древнегреческой мифологии лирический герой представал уже в книге «В дыму». Л. Аллен характеризовал Н. Оцупа как «поклонника Вергилия», в чём признавался и сам поэт в статье «Царское Село (Пушкин и Анненский)», что обусловило воссоздание мифологического мира в поэме и его проецирование на судьбу лирического героя [1, с. 16; 6, с. 507]. Данная часть носит название «Проблески», что, вероятно, исходя из особенностей сюжета, следует трактовать как моменты откровения «иной стихии бесконечности». В основе такого восприятия – один из мифов Древней Греции, для которых характерно откровенное вмешательство богов в жизнь людей, мистическое начало как естественное. В древнегреческой мифологии Эней – герой Троянской войны. Он выступил против ахейцев, когда Ахилл напал на его стада. Сражаясь с Ахиллом и Дидомедом, Эней был оберегаем Посейдоном и Аполлоном. По Вергилию, Эней покинул горящую Троию, неся на плечах своего старого отца Анхиса. Собрав оставшихся в живых троянцев, Эней отплыл с ними на кораблях.

С горстью последних кораблей,
Ещё уцелевших на причале,
Последний из рода троянских царей,
Сын Венеры, бежит Эней
К далёким берегам Италии [6, с. 82].
Когда корабли Энея подходили к берегам Лация, ненавидевшая его Гера, «царица богов», «Разрушительница Илиона», наслала бурю [6, с. 82]. Флот Энея был отброшен к Карфагену, где

его основательница Дидона безоглядно влюбилась в героя. Однако по воле богов «после долгих вечеров / В плену у ласковой царицы» Эней покидает Карфаген [6, с. 83]. Влюблённый герой страдает, так как не может ни остаться с возлюбленной, ни взять её с собой. Мифологическому Энею предначертано судьбой жениться в Лации на Лавинии, чтобы новая династия положила в будущем основание Риму. Измождённый, истерзанный событиями личного порядка, лирический герой слышит голос, обращённый к нему свыше:

И ты, Эней. О, сколько бед!

Уже слабеешь ты, не зная,

Что будет Рим [6, с. 89].

Таким образом, мифологический Эней проецируется на образ, характерный исключительно для поэтики Оцуа, мира его творчества. Эней поэмы «Встреча» несомненно отражает духовный и жизненный опыт самого поэта. На это указывает «ураганский огонь батарей», столь неестественно, на первый взгляд, раздающийся у «башен Илиона» [6, с. 82]. В нём по воле «иной» силы крестилась душа поэта, переживая разлуку с родиной, вынужденную борьбу, разлуку с любимой [6, с. 82].

Следующая часть поэмы – «Двадцатый год» – вызвала неоднозначные оценки. Так, например, Л. Аллен, отмечая эффектность этого раздела поэмы, комментировал: «По количеству стихов (четырнадцать) он похож на сонет, который по воле автора отклоняется от всех канонических форм. Выдержанный в реалистично-мрачном тоне, он производит резкий эффект диссонанса и обозначает какой-то духовный спад, напоминая о жестокости и нищете человеческой доли» [1, с. 17]. В

противовес этому мнению высказался Ю. Терапиано, в рецензии он довольно резко критиковал «Двадцатый год»: «четырнадцать строк о «голодном городе» как-то со стороны вмешиваются в поэму, похожи на реминисценцию. Этот отдел невольно хочется или дополнить, или вовсе выключить из поэмы» [10, с. 60-62]. Однако нельзя не согласиться с мнением Л. Аллена, поскольку и «Двадцатый год», и «Мираж» представляют собой некий условный путь мифопоэтического Энея, цепь предчувствий, картин, напоминающих о присутствии «иной стихии бесконечности» [6, с. 80]. Поэтому 3-я часть вспыхивает своим ужасом, открывая сцену дележа трупа кобылы. Неслучайность включения этой части оправдывается и тем, что мифологическому Энею суждено было спуститься в царство мёртвых, чтобы узнать дальнейшую судьбу.

Четвертая часть «Мираж», как отмечает Л. Аллен, «символ счастливых и тревожных минут утраченной любви» [1, с.17]. Именно Она, возлюбленная лирического героя, была для него амулетом от всех бед и разочарований. «Вот оно, это пресловутое “сияние”, которое нашёл на горькой земле Николай Оцуп, как отсвет и часть бесконечного, небесного», – заметил Е. Евтушенко [4, с. 419]. В поэме возлюбленная чарует все вокруг: «За ней следили зеркала, / И эта публика, и скрипки» [6, с. 85]. В очередном воспоминании она, «как зимний воздух весела», более «приземлённая» «среди дневной неразберихи» [6, с. 85]. Но тем не менее близость тайн «миров звездоочитых» оказывается неопровержимой на протяжении веков, подтверждается ежечасно, от них никуда не деться. Мы теряем

«над собой права», над нами довлеет «власть музыки» [6, с. 84]. Её образ пробивается из темноты; она часть тайны: «Смеёшься мне из темноты / И муфту поднимаешь лисью. / И всё тобой озарено...» [6, с. 86].

Следующее воспоминание построено по принципу макросъёмки: крупный план, окружающий мир, детали быта отражаются в снеговых каплях, уменьшаясь, концентрируясь в них. Возлюбленная становится воплощением дома, домашнего уюта, тепла, воспоминаний. Последние строки звучат, словно рефрен, повторяя символику всего стихотворения – капли, при этом обогащая их новым значением, роковым:

И те же капли заключают

Любви растаявшие дни,

И сердце грустное они

В разлуке близкой уличают [6, с. 87].

Чувство любви лирическим героем стало восприниматься как призрачное, ненадёжное. Образ возлюбленной был для него небесным воплощением («Казалось – ангел за тобой») [6, с. 87]. Однако не всё в мире прочно, не все понятия абсолютны. Исчезло то, во что лирический герой свято верил и на что надеялся.

Любовь исчезла. Отчего?

Мираж. Что может быть невинней –

Блеснул, обжёг, и нет его.

Я обманулся [6, с. 87].

Развязку поэмы предваряет цикл стихов об Италии. В поэтическом мире Н. Оцупа лирический герой находит прибежище во Флоренции, там его мир распадается надвое: на «теперешний» и «тот» [6, с. 88]. «Тот» мир недостижим, находится в области мечтаний, грёз и чаяний. Но «благоухающая Кампания», по комментарий Л. Аллена, уже

открывает «простор ниспосланию благодати Божьей» [1, с. 18]. Лирический герой погружён в трепетную молитву, полную отрицания былого, осознания бессмысленности прожитого в отсутствии Света божьего:

Нет, в этой жизни, злой и сложной,

Ни смысла, ни просвета нет.

Ничтожен опыт этих лет!

Ничтожна страсть моя былая! [6, с. 88]

В этой части поэмы раскрывается ещё одно значение слова «странник», это не только путник, идущий навстречу Свету, но и человек, отстраняющийся от мирского, суетного для молитвы, постижения Смысла. («Я в пустыне», «Душа раскрыта») [6, с. 87, 90]. Внезапно возникает картина торжествующего города, где «водоём, теряя связь привычных линий», «связует воду, небеса и каменные чудеса» [6, с. 89]. Рождается город надежды, вдохновения, новой веры. «В Боге – все отношения меняются, миражи, проблески, предчувствия, зло и сложность этого мира преобразуются, выходят на свет из тьмы: и поэт, может быть, не отдавая себе отчёта до конца, тем не менее это выразил», – такую трактовку дал произведению Н. Оцупа Ю. Терапиано [10, с. 60–62]. «Необычайный» воздух способен сотрясать «мир до основ», проливая новый свет смысла на прошлое героя [6, с. 89]:

Не так ли и во мне самом

Сейчас какой-то свет счастливый

Скользит блуждающим лучом.

О, Смысла первые порывы! [6, с. 90]

Последнюю часть поэмы, «Встречу», П.М. Бицилли назвал «финальным гимном»: «внезапно в полном контрасте со всеми предыдущими, лёгкими, беглыми, мелькающими, создающими впечатление какой-то жидкой, быстро

текучей, прозрачной стихии, звучаниями, темпами, ритмами, образами, массивно, внушительно, разносятся тягучие, густые, широкие трёхдольные («некрасовские») стихи, и столь же внезапно смолкают» [3, с. 541-542]. Эта часть таит в себе и религиозный взгляд на исторический процесс («миллионы миллионов людей», «как волны, как самые мелкие ряби, / Подъемяет, толкает, друг к другу гнетёт...»), и мировое чаяние Света («Вся жизнь, изнывающая без ответа, / Все твари несчётные, все до одной, / Молили о Нём...»), и надежду на спасение:

Как преждему счастью, ещё дорогому,
Мы верим Тебе и не верим, прости!

И всё же, не правда ли, к Отчему дому

Ты даже таким помогаешь идти [6, с. 90, 91].

Тема странничества в русской литературе не нова, она реализовывалась в творчестве Пушкина, Толстого, Достоевского, получала разное воплощение и трактовку. Поэма Н. Оцупа, несомненно, внесла свой обертон в развитие этой темы. Благодаря тому, что в основе поэмы лежит Евангельский сюжет, который так и называется «Встреча», «Сретение», произведение получило ряд противоречивых оценок. Одни ценили замысел «Встречи», отказывая ей в смысловом единстве и художественной выразительности (Ю. Терапиано) [10], другие отмечали рост поэта, увеличение ценности его поэтического слова, при этом упрекая его в создании преувеличенно-вымышленных сюжетов (Г. Адамович) [2]. Третьи подошли к поэме с пристальным анализом, оценив ее как «подлинную поэму», как «замысловатое в своей стройности и кажущейся простоте здание» (П. М. Бицилли) [3]. Важен и

ценен для миропонимания Н. Оцупа тот духовный опыт, который он воплотил в своей поэме, воссоздав через внешние события движение человека на его пути к Богу. Лирический герой прошёл свой долгий, изнурительный путь от впечатлительного юного гимназиста, от закалённого морями Энея до молящегося в пустыне странника, теперь он освобождён для «духовного зодчества» [9, с. 42]. Основная тема странничества раскрылась в поэме и через мотивы скорби и покаяния, отражающие вехи жизни самого поэта – перед памятью об оставленных близких и родных, пред духом России, перед ликом Бога. Чудо явления поэмы «в суровой и нищей ночи мировой» направлено на укрепление веры для будущих духовных свершений и преодолений [6, с. 91].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аллен Л. «С душой и талантом...»: штрихи к портрету Николая Оцупа // Оцуп Н.А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. С. 3–24.
2. Адамович Г. Николай Оцуп. Встреча // Звено. 1927. № 212. С. 2.
3. Бицилли П.М. Н. Оцуп. Встреча. Поэма // Современные записки. Париж, 1928. № 35. С. 540-542.
4. Евтушенко Е. Поэт в России – больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии: Антология: В 5 т. Т. 4. М.: Русский мир, 2013. 856 с.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности. Республика, 1993. 432 с.
6. Оцуп Н.А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. 616 с.

7. Оцуп Н. А. Из дневника // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 155-166.
8. Симачева И. Ю. Пушкиниана Русского Зарубежья в периодике Франции 20 – 30-х гг. Учебное пособие. М.: МПУ, 2000. 155 с.
9. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 4. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. 422 с.
10. Терапиано Ю. Николай Оцуп. Встреча. Поэма // Новый корабль. 1928. № 3. С. 60-62.